

Правда о Сталине. КАК ЗАКАЛЯЛСЯ СТАЛИН

Полюбил Россию по-настоящему

Биография Сталина — биография настоящего революционера, поэтому немалая её часть до 1917 года — тюрьмы и ссылки, главным образом в Сибирь.

Первый раз Иосиф Джугашвили был приговорён к ссылке на три года под полицейский надзор в Восточную Сибирь 9 июля 1903 года. На место ссылки — в деревню Новая Уда Балаганского уезда Иркутской губернии — он был доставлен только 27 ноября. Поселился в доме крестьянки Марфы Ивановны Литвинцевой. По её рассказам, читал книги, что-то писал, жил обособленно. По воспоминаниям жителей села, нередко беседовал с крестьянами, и они чувствовали, что он глубоко проникся их мыслями и настроениями. Почти ежедневно бывал на горе Киткай, откуда был виден отдалённый тракт, — возможно, здесь у него и зародилась мысль о побеге.

Вскоре после приезда на место ссылки, в начале декабря, он получил первое письмо от В.И. Ленина. С этого момента его духовная связь и политическое сотрудничество с вождём партии большевиков не прерываются. Много лет спустя, уже после смерти Владимира Ильича, он говорил о том, какое сильное впечатление произвело на него это письмо, и сожалел: *«Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению».*

Получив письмо, он, не откладывая дело, предпринимает попытку побега. До Балаганска, уездного центра, было 50 вёрст. Хозяйка дала ему хлеба на дорогу, и ночью в трескучий мороз он отправился в путь. На этап его взяли осенью: в демисезонном пальто, в ботинках, без шапки и рукавиц — экипировка явно не для сибирской зимы. По одной из версий, он отправился в Балаганск пешком. Выбившись из сил и промёрзнув до костей, добрёл до какой-то деревушки, постучался в чью-то дверь, но его не впустили. И всё-таки ему посчастливилось: в одном убогом домишке какие-то люди его накормили, отогрели у печки и дали кое-что из одежды. Только на следующие сутки сумел он еле живым добраться до Балаганска. Дальнейшее известно из воспоминаний С.Я. Аллилуева (отец второй жены Сталина), который сообщает, что Иосиф добрался из Новой Уды до Балаганска *«с отмороженными ушами и носом, потому что в то время стояли лютые морозы, одет он был по-кавказски, поэтому дальше бежать не смог и вернулся обратно».*

Что ж, недооценил молодой кавказец (ему тогда исполнилось 24 года) и громадные расстояния, и крепость сибирских морозов, но главное состоит в том, что неудача не сломила его: 5 января 1904 года он совершил новый побег, на этот раз успешный.

Домик Марфы Литвинцевой в Новой Уде не сохранился, однако и по сей день остаётся в неплохом состоянии большой деревянный дом — здание бывшей пересыльной тюрьмы, в котором Сталина держали до определения места проживания. В двух его комнатах-камерах в 1939—1961 годах располагался музей. Хотя Сталин пробыл в Новой Уде менее полутора месяцев, память о нём живёт в этих краях и сегодня. В краеведческом музее, открытом в 1993 году в посёлке Усть-Уда, пребыванию Сталина в районе посвящена отдельная экспозиция. Основанное в Усть-Удинском районе в 2000 году крестьянское кооперативное хозяйство носит имя Сталина. Местные энтузиасты пытаются возродить также и музей в Новой Уде.

По возвращении на Кавказ Сталин примкнул к большевикам, был избран делегатом на I конференцию РСДРП в Таммерфорсе (Финляндия), где впервые встретился с Лениным. В мае 1907 года Сталин участвует в работе V съезда РСДРП в Лондоне. В марте

1908-го его опять арестовывают и в феврале 1909 года ссылают в город Сольвычегодск Вологодской губернии. Но через четыре месяца он совершает побег и в июле возвращается в Баку.

В марте 1910 года в связи с подготовкой всеобщей забастовки на бакинских нефтепромыслах его в третий раз арестовывают и после шести месяцев тюрьмы отправляют в прежнюю сольвычегодскую ссылку. Отметим, что в Сольвычегодске, в доме, где Сталин жил несколько месяцев во время второй ссылки, 21 декабря 1934 года был открыт музей, который, пережив ряд реорганизаций, существует и по сей день.

После окончания срока ссылки ему было предписано проживание в Вологде, но спустя два месяца он, обуреваемый желанием скорее включиться в революционную деятельность, отправляется в Петербург. Уже через три дня по прибытии в столицу его арестовывают за нарушение режима проживания. По-видимому, сочтя проступок не очень тяжким, место новой ссылки ему предложили выбрать самому, и он выбрал Вологду.

В январе 1912 года на IV (Пражской) конференции РСДРП окончательно оформился раскол партии на большевиков и меньшевиков. Вскоре после конференции, на пленуме большевистского Центрального Комитета, Сталин кооптируется в состав ЦК. Он вошёл также и в состав Русского бюро ЦК — высшего оперативного органа партии. Через месяц он узнает об этом от Г.К. Орджоникидзе, приехавшего в Вологду по поручению Ленина, и сразу же совершает новый побег из ссылки. В Петербурге он руководит подготовкой к изданию большевистской газеты «Правда», первый номер которой выходит 22 апреля (5 мая) 1912 года. В опубликованной в нём статье «Наши цели» (без подписи) формулирует главное, для чего создаётся газета: *«Освятить путь русского рабочего движения светом международной социал-демократии, сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса, стоять на страже интересов рабочего дела».*

В тот же день Сталин был арестован и после нескольких месяцев тюремного заключения выслан на три года в отдалённый, безлюдный и суровый Нарымский край Сибири. Местом ссылки был Нарым — уездный городок, расположенный на берегу Оби, среди лесов и болот; он насчитывал тогда всего 150 домов и чуть более тысячи жителей. В таёжной глуши, вдали от железной дороги Нарым считался вполне надёжным местом для поселения ссыльных. Однако Сталин, пробыв там менее полутора месяцев, в очередной раз бежал. Он покинул Нарым 1 сентября 1912 года. Сын хозяйки дома, в котором он жил, Яков Алексеев ночью на лодке перевёз его через протоку на пристань. По одной из версий, на пароходе он добрался до Томска, оттуда его переправили по железнодорожной ветке к станции Тайга на Транссибирской магистрали, а там договорились с машинистом проходящего поезда о том, что он доставит политического ссыльного в своей кабине до станции Болотная, где тот пересядет на другой поезд. Этот побег Сталин считал очень удачным, почти классическим.

12 сентября Сталин уже был в Петербурге. Возвратившись в столицу, руководит кампанией по выборам в IV Государственную думу по рабочей курии Петербурга. Он проводит совещания, выступает перед рабочими, пишет статьи и листовки, принимает самое деятельное участие в выработке предвыборной платформы. Выборы прошли с большим успехом: в Думу были избраны шесть представителей большевистской партии и семь — от партии меньшевиков. Вскоре большевики образовали самостоятельную парламентскую фракцию. После выборов Сталин курировал работу фракции, несколько раз ездил к Ленину в Краков для согласования позиций по принципиальным вопросам её работы, а затем по его поручению отправился в Вену писать статью о национальном вопросе. Обширная статья Сталина была напечатана в трёх номерах журнала

«Просвещение» за 1913 год. Она получила высокую оценку Ленина, который в письме А.М. Горькому называет её автора «замечательным грузином».

Именно тогда Иосиф Джугашвили берёт псевдоним Сталин.

Впервые он подписал им статью «Выборы в Петербурге», опубликованную 12 января 1913 года в газете «Социал-демократ». Она была направлена против меньшевиков-ликвидаторов, в том числе их тогдашнего сподвижника Л.Д. Троцкого (Сталин метко называет его «шумливым чемпионом с фальшивыми мускулами»).

В начале февраля 1913 года он возвращается из Вены в Петербург через Краков, где произошла его очередная встреча с Лениным. Но спустя две недели его арестовывают по доносу провокатора и в июле ссылают на четыре года — теперь уже в «самое надёжное» место — Туруханский край Восточной Сибири. Вначале власти отправили его в посёлок Костино, но затем, опасаясь побега, перевели в село Курейка, расположенное невдалеке от полярного круга. На этот раз бежать не удалось — ссылка оказалась самой продолжительной и тяжёлой по условиям жизни. Это был «край земли», добирались до которого на оленях и собаках в лёгких нартах. Зима восемь—девять месяцев, морозы иногда доходили до 65 градусов, сковывая всё, даже дыхание. Ни хлеб, ни овощи там не росли — пропитание приходилось добывать охотой и рыбной ловлей. Он ставил капканы на зверей и «самоловы» на осетров. Снасти мастерил сам. Заготавливал в лесу дрова для печки. По свидетельству очевидцев, никогда не падал духом. Занимаясь хозяйством, часто напевал народные песни, которые очень любил.

Не раз оказывался на грани жизни и смерти. Вот один эпизод, записанный с его слов А.С. Аллилуевой, сестрой второй его жены:

«Рыбу Сталин <...> сам добывал, запасая её с тёплых дней. Но и зимой приходилось пополнять запасы. В прорубях устанавливали снасти, вешками отмечая путь к ним. Однажды зимой он с рыбаками отправился проверить улов. Путь был не близкий — за несколько километров. На реке разделились. Сталин пошёл к своим снастям. Улов был богатый, и, перекинув через плечо тяжёлую связку рыбы, Сталин двинулся в обратный путь. Неожиданно завьюжило. Начиналась пурга. Мгла полярной ночи становилась непроницаемой. Крепчал мороз. Ветер хлестал в лицо, сбивал с ног. Связка замёрзшей рыбы тяжелее давила на плечи, но Сталин не бросал ношу. Расстаться с ней — значило обречь себя на голод. Не останавливаясь, борясь с ветром, Сталин шёл вперёд. Вешек не было видно — их давно замело снегом. Сталин шёл, но жильё не приближалось. Неужели сбился с пути?

И вдруг, совсем рядом, показались тени, послышались голоса.

— Го-го-го! — закричал он. — Подождите!..

Но тени метнулись в сторону и исчезли. Голоса смолкли. В шуме вьюги он только слышал, как ударялись друг о друга замёрзшие рыбы за его плечами. Теряя силы, он всё же продолжал идти вперёд. Остановиться — значило погибнуть. Пурга всё бушевала, но он упрямо боролся с ней. И когда казалось, надеяться уже не на что, послышался лай собак. Запахло дымом. Жильё! Ощупью добрался он до первой избы и, ввалившись в неё, без сил опустился на лавку. Хозяева поднялись при его появлении.

— Осип, ты? — они в страхе жались к стене.

— Конечно, я. Не лешак же!

— А мы встретили тебя и подумали: водяной идёт. Испугались и убежали...

И вдруг на пол что-то грохнуло. Это отвалилась ледяная корка, покрывавшая лицо Сталина. Так вот почему шархнулись рыбаки там, по пути. Обвешанный сосульками, в ледяной коре, он показался им водяным. Да ещё рыба, звеневшая за его плечами! Он не мог удержать смеха, глядя на остяков (манси. — В.Т.), смущённо окружавших его.

— Я проспал тогда восемнадцать часов подряд, — вспоминал он, рассказывая о пурге».

В дни и часы, свободные от житейских забот, Сталин работал над собой. Подпольщица Вера Швейцер, побывавшая у него в Курейке, пишет, что именно там он внимательно штудировал «Капитал», изучал иностранные языки, работал над второй частью статьи «Марксизм и национальный вопрос». Более или менее регулярными были его встречи с другими ссыльными. Он организовывал дискуссии между ними по вопросам теории. Поскольку в ссылке был едва ли не весь состав руководимого им Русского бюро ЦК, то оно продолжало там свою работу, поддерживая через всевозможные «оказии» конспиративную связь с большевистскими организациями России. Так что четыре года туруханской ссылки, где, казалось, должно остановиться само время, не прошли даром ни для развития его ума, ни для революционной работы.

В октябре 1916 года Сталин в числе других административно-ссыльных был мобилизован в армию и отправлен по этапу в Красноярск. Во избежание нового побега его отправили с отдельным стражником. Путь был долгим: в дороге провели два месяца, ехали вначале на собаках, потом на оленях и в завершение — на лошадях. Только в конце декабря прибыли к месту назначения. Однако из-за повреждения левой руки, полученного ещё в детстве, медицинская комиссия признала Сталина негодным к военной службе. Отбывать оставшийся срок ссылки он был отправлен в Ачинск. Здесь его застала весть об отречении Николая II от престола. Ссыльные получили свободу. Он едет в Петроград.

...Пролог завершился. Закончилось становление личности пролетарского революционера и партийного вождя, и во многом оно прошло именно в Сибири.

Его дочь Светлана вспоминала: *«Ещё в Сибири отец любил Россию по-настоящему: и людей, и язык, и природу. Он вспоминал всегда о годах ссылки, как будто это были сплошь рыбная ловля, охота, прогулки по тайге. У него навсегда сохранилась эта любовь».*

В.А. ТУЕВ,

Доктор философских наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права, председатель Иркутского областного историко-культурного общества «Наш Сталин»

Крепкий был мужик Осип

В ФОНДАХ Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) хранятся документы, связанные с одним из любопытнейших культурных событий военного времени. В январе—апреле 1944 года, когда Красная Армия завершала изгнание гитлеровцев с территории СССР, в Красноярский край отправилась фольклорная экспедиция для записи народных песен и легенд. Но песенно-сказочный урожай оказался не слишком впечатляющим. Зато старожилы охотно делились своими воспоминаниями о пребывании в этих местах известных ссыльных революционеров, ставших впоследствии создателями Советского государства: Ульянова-Ленина, Джугашвили-Сталина, Фрунзе, Кржижановского, Свердлова и других. В частности, жители заполярного посёлка Курейка, где в 1913—1916 годах отбывал ссылку И.В. Сталин, поведали

немало историй, дополняющих хрестоматийный портрет Иосифа Виссарионовича весьма оригинальными, неповторимыми штрихами.

«Особый человек»

«Глухо здесь было, — делились воспоминаниями курейчане. — Тайга кругом. Страшно было жить. Туруханским краем пугали, ссылали сюда. И не зря пугали. Край был отрезанный, тяжёлый, страшный край. Девять месяцев зима! А сколько людей перемирало, погибало тут. И многие не выживали, сходили с ума».

«Сталин крепкий был, не мёрз, — рассказывала Лидия Платоновна Давыдова. — Зимой в сапогах ходил. Катанки не надевал, шапку тоже брал только тогда, когда на промысел отправлялся».

«Из себя заметный был Осип Виссарионович, — вспоминал П.С. Салтыков. — Хороший человек, таких людей мало. Никогда из себя ничего не строил, как другие, ни-ни, этого и в помине не было. Простой мужик, про-о-стой! Завсегда трубочку во рту держал, вот как я. У него трубочка ничего, подходява была. Придёт, бывало, ко мне, табак черпнёт из мешка, чирк спичкой, трубочку закурит, скажет: «До свиданья, Салтыков», — и пойдёт к себе».

«У него порожнего времени вовсе не было, — отмечал Фёдор Андреевич Тарасеев, — ночью всё книги читает, пишет, а днём всем занимался: на охоту ходил, рыбачил. Огурчики сажал возле своего окна, опыты делал. Маленьки, с трубочку вот, а были».

«Смелый был, — говорил И.А. Тарасеев. — Что мы, то и он делал. Один в лодку сядет и едет. Другой ведь боязливый, смерти боится, а этот — нет. Ему ничего не страшно. Идёт в лес один, медведя не боится. Раз медведь совсем близко к станку (поселению. — О.Ж.) подошёл. Три коровы положил: одну наповал, двум кости поломал. Сталин пособлял ловить медведя, не испугался...»

«Нашей бедности сочувствовал, — говорила Анфиса Степановна Тарасеева. — Он был жалостливый к людям, тяжело ему было: много помогать приходилось всем».

Елизавета Степановна Калашникова в первом замужестве в течение 13 лет прожила в Курейке. Приходилось ей по-соседски ссыльному грузину и бельё постирать, и комнату прибрать. Ведь семья Перепрыгиных, где жил Сталин, была «сиротская» — состояла из малолетних и подростков, поэтому приходилось постояльцу приглашать взрослых со стороны для помощи по хозяйству.

«Осип Виссарионович обходился с людьми куда тебе, с добром, вежливо, — рассказывала Калашникова. — Ежели у него две рубашки, одну снимает, отдаёт тому, кто нуждался, сам в одной остаётся. Были случаи. Не было бы таких, не стала бы и говорить».

Промышлять ходили. Вот с мужем моим, Афанасием Алексеевичем, в тайгу уходил с черканчиками, капканами, плашками, ставил их на зверя.

А летом промышлял рыбу перемётами в азиатцах, или, как теперь говорят, у националов... Мы тогда с мужем у свёкора жили, бедно жили. Когда отделились, нам ничо не дали, как есть ничо. Муж мой пошёл тогда к Осипу Виссарионовичу:

«Осип Виссарионович, выручайте меня, отделился, а хозяйства не имею, голь перекатная. Даже чашечки напитокся, и той нету, за всяким пустяком всё в люди да в люди, даже стыдно. Продайте мне перемёт, деньгами аль рыбой уплачу, когда справлюсь, на ноги встану».

А он, Осип-то Виссарионович, снимает со стены два перемёта и говорит: «Ну, Калашников, дарю вам два перемёта, так и быть, с лёгкой руки промышляйте моими перемётами».

Мы эти перемёты ещё сейчас вспоминаем. Верно, что с лёгкой руки, фартовые достались. Фарт нам с ними привалил. Девяносто один пуд осетра добыли ими, а осетры-то — как один, как одна голова к голове были! Девять четвертей только одного жиру, подумать-ка! Вот какие счастливые сталинские перемёты были. Мы ими хозяйство наше на ноги поставили. Как поедешь, так осетра ими три-четыре добудешь.

В станке Серково экспедиция из Москвы встретила 100-летнюю Евдокию Ивановну Пешкину, которая говорила о Сталине как о наставнике: «Сталин придёт к нам, говорит всё: промышляйте, шевелитесь. Промышлять не будете, чем детей кормить будете? Вот мы послушаем хорошего человека, опять промышлять идём, чего-нибудь добудем. По его сделаешь — права будешь».

В Курейке и в соседних станках молодой ссыльный даже прослыл за врача. Л.П. Давыдова вспоминала: «Лекарства давал, многим от его лекарств становилось легче. Врачей не было, обращались к нему. Он никогда не отказывал. Тут у нас в Курейке жил лёгонький умишком Петя Тарасеев. Теперь он уже взрослый стал, тогда ещё совсем парнишка был. Ему Осип Виссарионович сильно помог. Петя этот захворал чего-то. Побежали к Осипу: помоги!.. Ну он и помог».

Учёным из Москвы Пётр Тарасеев рассказывал с подкупающей наивностью: «Он меня лекарством вылечил. Спасибо, дай бог ему здоровья! Я хоть сейчас не болею, работаю... Может, вы увидите его, спросите, он скажет, что я правильно сказал. Честно слово говорю. Он добрый, ласковый такой. Дай бог ему за это жить долго, поднял он меня на ноги. Увидишь, так скажешь... Он, однако, забыл про меня, думает, что я умер. Он тогда ещё молоденький был. Как убегают годы-то...»

«Старый стал, память плоха, всё забыл, а его помню, — рассказывал Михаил Андреевич Тарасеев. — Хороший человек был, худого от него не видали. Для кого как, не знаю, а для нас хороший. Дети захворают, идёшь к нему. Не откажет он, в ночь-полночь, а идёт. Не скажет: не пойду. Всегда приходил. У меня сын Егор сильно болел, воспаление лёгких было. Умирал совсем. Осип вылечил, поднял на ноги его. Каждый день ходил, справлялся. Я порезал косой руку, кровь сильно забила. Зажал я руку, да к нему, к Осипу, значит. Он приложил ваты, того-другого натащил. Залил рану, прошла рука. Вот метка одна осталась».

Избу помогал мне строить, вот эту, живём в которой. Строили вдвоём мы с сынишкой, сил не хватало, тяжело брёвна тянуть вверх. Осип увидал, собрал ребят да и затянул: «Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зелёная, сама пойдёт!» С «Дубинушкой»-то легче тянуть...»

«Детишек страшно любил, — вспоминал П.С. Салтыков. — Бывало с женой уедешь промышлять, думаешь, как червей своих прокормить, скажешь: «Осип Виссарионович, ты погляди моих детишек». «Ладно, — скажет, — посмотри. Ты не беспокойся».

«Заступался за детей, когда их взрослые били, — рассказывала А.И. Салтыкова. — Вот я сиротка была, жила в чужих людях. Меня хозяйка ругала, била. Как-то всю прялку об меня разбила, я вся в крови была, шибко плакала. Стою возле избы, плачу, босиком была. Услыхал Иосиф Виссарионович, подошёл ко мне и спрашивает: «Что ты плачешь? Почему босиком, в крови?» Взял меня в охапку, да в избу, хозяйку стал убеждать: зачем вы её бьёте? Если она чужая вам, отдайте её, может быть, где свои есть. А издеваться над ней нельзя. Он учил стариков, как надо детей воспитывать, обращаться с ними».

«Он совсем особый был, первый человек в ссылке, таких больше не было», — заключила А. Петрова.

Слёзное письмо стражника Мерзлякова

Даже здесь, в Заполярье, почти на краю света, царские власти надзирали за ссыльным, предписав стражнику Лалетину следить за ним.

М.А. Тарасеев вспоминал: *«Был стражник Лалетин, грубый такой. Не вовремя как-то пришёл он к Осипу, кричать стал. Осип его и попёр тогда, тот шашкой махал, да так махал, что рассёк палец Осипу. После того и сам испугался...»*

Л.П. Давыдова добавила: *«Ходил Иосиф Виссарионович за утками, иногда убивал и приносил нам. Ружьё ему давали братья мои и другие. Весной как-то раз с ружьём увидел его надзиратель Лалетин, выхватил саблю и закричал. Но товарищ Сталин защищался, ружьё не дал, чтоб надзиратель не узнал, чьё оно было».*

А по воспоминаниям старожила Курейки Житова однажды Лалетин запретил ссыльному выходить на охоту. Так тот чучело сделал, положил на кровать, а сам ушёл в лес. Надзиратель, заглядывая в окно, был уверен, что его строптивый подопечный на месте.

После жалобы ссыльного революционера местным властям на произвол стражника Лалетина его заменили М.А. Мерзляковым. Когда фольклорная экспедиция прибыла в Туруханский край, Мерзляков ещё доживал свой век в селе Емельяново под Красноярском. По его словам, он был довольно лоялен к ссыльному: *«Я знал, что административно-ссыльные ребята грамотные, образованные, а я что же: из крестьян, неразвитый. Я это считал для себя на первый раз стыдным. Я узнал, что административно-ссыльный Джугашвили жаловался приставу на Лалетина и требовал его сменить. Пристав боялся, как бы не нажить греха, и послал меня. Я это всё по дороге взвесил и решил, что со своим ссыльным буду обращаться хорошо, по совести».*

Новый стражник разрешал Джугашвили уходить на рыбалку на целые недели и даже охотиться в тайге с ружьём. Никто тогда и подумать не мог, какой поворот судьбы уготован им обоим. Во время коллективизации потянулся к колхозной жизни и бывший стражник Мерзляков. Но в 1930 году ему припомнили старое и из колхоза исключили. И тогда написал он слёзное письмо своему бывшему подопечному, вспоминая былую, как он выразился, «дружбу». И Сталин ответил. Сверхзанятый вождь нашёл время для участия в судьбе бывшего охранника и вот какую объективную оценку дал ему: *«Мерзлякова припоминаю по месту своей ссылки в селе Курейка (Туруханский край), где он был в 1914—1916 гг. стражником. У него было тогда одно-единственное задание от пристава — наблюдать за мной (других ссыльных не было тогда в Курейке). Понятно, поэтому, что в «дружеских отношениях» с Мих. Мерзляковым я не мог быть. Тем не менее я должен засвидетельствовать, что если мои отношения с ним не были «дружеские», то они не были враждебными, какими обычно бывали отношения между ссыльными и стражниками. Объясняется это, мне кажется, тем, что Мих. Мерзляков относился к заданию пристава формально, без обычного полицейского рвення, не шпионил за мной, не травил, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки и нередко поругивал пристава за его надоедливые «указания» и «предписания». Всё это я считаю своим долгом засвидетельствовать перед вами».*

Так обстояло дело в 1914—1916 гг., когда М. Мерзляков, будучи стражником, выгодно отличался от других полицейских. Чем стал потом М. Мерзляков, как он вёл себя в период Колчака и прихода Советской власти, каков он теперь, — я, конечно, не знаю.

С коммунистическим приветом, И. Сталин. Москва, 27.II 1930 г.».

После восстановления в колхозе Михаил Мерзляков стал работать ударно. А в 1939 году был послан на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, занесён в её Книгу почёта. Вдохновлённый московским признанием, в 1940 году он один просушил 7 тысяч центнеров колхозного зерна. А в годы войны четыре сына Мерзлякова в рядах Красной Армии громили врага. Престарелый отец продолжал работать в колхозе на сушилке.

Песни пел складно

Простые бесхитростные жители Курейки стали для молодого революционера близкими людьми: *«Он нашей жизни не сторонился. Чёрны бани ему тоже знакомы. В избах он во всех побывал»*, — вспоминала Л.П. Давыдова.

Рассказывали, что частенько заходил он на крестьянские вечерки, с удовольствием организовывал культурный досуг молодёжи.

«Соберёт, бывало, ребят в кружок, давай их учить танцам разным. Сам ловко танцевал. Песни пел тоже складно. Настоящи русски песни», — вспоминал П.С. Салтыков.

«Приехали мы в Курейку в гости, с мужем, — рассказывала Дарья Антиповна Пономарёва. — К своим-то пристали в другой квартире, не там, где Сталин бывал, а рядом. А как вошли к Тарасевым, а у них вечерка. Молодёжь в круг собралась. Ну, подхватили и нас. Давай — пой, давай — пляши. А в кругу-то Сталин пляшет, дробь выбивает ногами: тра-та-та, тра-та-та! Хорошо так. Потом песню запел:

Пал, пал перстень

В калину-малину,

В чёрную смородину.

Очутился перстень

У господина дворянина

На правой ручке,

На пальчике, на мизинчике...

Сам стройный был, усы большушши. Брюки на нём хороши, чёрны, с напуском. Одевался аккуратно, приглядно так...»

А вот лучший танцор и балалаечник старой Курейки П.К. Кандин добавлял: *«На вечерках ещё парами ходили у нас, песню запевали: «Ходил комар по лугу, ступал Кате на ногу». Он тоже парой песни пел, под них парой ходил. Выберет себе девушку — и пошёл по кругу. Голос звонкий, хороший. Несколько пар ходит, и он тоже с ними. Потом лобзания. Обычай такой. И он, Сталин, тоже лобзания выполнял. От других не отставал»*.

В подтверждение любви вождя к русской песне ещё один сюжет, на этот раз из разряда баек. Говорят, что возвращался (или бежал) он как-то из одной своей более ранней ссылки на Русский Север, как говорится, на перекладных. Не имея денег, пообещал ямщику, что будет всю дорогу до следующей станции развлекать его песнями. Когда доехали, возница от души рекомендовал своему коллеге взять этого весельчака с собой — уж больно много песен знает, уж больно ладно поёт.

Так и стало, как сказал

«Будет перемена, всё делить будем вместе, всё будет наше. Всех выравнием, каждый будет своё получать» — так по-своему передал сибиряк П.С. Салтыков своё понимание слов И.В. Сталина.

«Говорил нам, что будет перевернуто всё. Всё будет по-новому. Так и случилось. Верно сказал», — вспоминал беседы со Сталиным М.А. Тарасеев.

«Никто и не знал тогда, что он будет Сталиным. Джугашвили звали его или Осипом Виссарионовичем, — говорил Калашников. — Сталиным-то его потом стали звать, в советское время».

Только из газет и по портретам в них узнали жители Курейки, что их Осип Джугашвили и Иосиф Сталин — одно лицо.

«Через несколько времени газета пришла — «Красная звезда», — говорил М.Н. Корсанин. — Узнали, что Джугашвили после революции назвали Сталиным. Стали спрашивать: Сталиным стал называться потому, что откровенный, крепкий человек, настойчивый. Потому он назван Сталиным».

Е.П. Салтыкова по-деревенски почтительно называла бывшего односельчанина во множественном числе: *«Иосиф Виссарионович так просто себя вели, ну как мужчина простой. И мы не стеснялись их, обходились с ними как со своими. А когда портрет-то увидели в газете, муж мне говорит: «Ты знаешь, Катя, кто это? Осип Виссарионович Джугашвили у нас-то был». Думаю, что такое, неужели это правда? Не поверила сразу. Тогда ведь он не был Сталиным. Тяжёлая была у него фамилия. Старухи-то наши не могли выговорить. А сейчас легче много, все говорят: «Сталин». Русское это слово».*

«Жизнь на Енисее совсем стала иная против старого времени. Направление жизни совсем другое началось», — сказал колхозник Н.А. Тарасеев.

«Каждый катер, каждый пароход останавливается теперь возле Курейки. Люди поднимаются на берег, заходят в домик-музей, в котором когда-то жил товарищ Сталин, осматривают небольшую горницу со скромным убранством, единственным украшением которой были книги. Здесь И.В. Сталин просиживал долгие полярные ночи, углубившись в книги. Здесь он задумчиво стоял у берегов Енисея, наблюдал его широкие разливы, северное сияние, бесконечные снежные просторы. Огромная белая скульптура И.В. Сталина, поставленная на крутом берегу перед музеем, напоминает об этом» — так описывали достопримечательности советской Курейки московские гости.

Научные сотрудники Игарской мерзлотной станции уверяли москвичей, что вечная мерзлота в условиях сухого континентального климата — благоденствие. Если бы не вечная мерзлота, то в течение короткого полярного лета, когда светит круглосуточное незаходящее солнце, свирепствовала бы засуха! Растения получают здесь живительную влагу за счёт вечной мерзлоты. Сила произрастания исключительна.

Кажется, что суровый климат Сибири закаляет даже растения. И, конечно, людей, вооружённых мужеством и волей к борьбе, к социалистическому созиданию. Закаляет, как сталь. Как Сталина.

Ольга Жукова,
кандидат исторических наук

[Источник](#)